

Г. В. Ф. Гегель

**Курс эстетики или наука
изящного**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г27

Г27 **Гегель Г.**
Курс эстетики или наука изящного: Часть 2 / Г. В. Ф. Гегель – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 334 с.

ISBN 978-5-458-42229-1

ISBN 978-5-458-42229-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

она портитъ формы вещественнаго міра; вмѣсто того, чтобы согласить, сочетать, слить идею и форму, она только поверхностно и грубо сближаетъ ихъ. Въ этихъ двухъ предѣлахъ, сближенныхъ такимъ образомъ, является ихъ взаимная разнородность и несоразмѣрность.

2) Но идея, не можетъ, по своей природѣ, остаться отвлеченною и неопредѣленною; она, по своей сущности, есть начало свободной дѣятельности, и обнимаетъ себя, въ своей внѣшности, какъ духъ. Слѣдовательно, духъ, какъ свободный субъектъ, ограниченъ собою, и въ собственной сущности находитъ внѣшнюю форму, приличную себѣ. Это единство, эта совершенная гармонія идеи съ ея внѣшнимъ проявленіемъ, составляетъ вторую форму искусства — *форму классическую*.

Впрочемъ, и въ этой формѣ духъ не находитъ своего олицетворенія; ему нужна чистая духовность, внутренній міръ сознанія. Въ классической формѣ, духъ являетъ характеръ частный и опредѣленный; слѣдовательно свою несовершенную сторону.—Конечно, свободный субъектъ, представляемый классическимъ искусствомъ, имѣетъ видъ всеобщаго начала, но онъ еще опредѣленъ, ограниченъ, несвободенъ отъ конечнаго; ибо внѣшняя форма, въ которую онъ облекается, есть частная, конечная, подобна всякой видимой формѣ. Чтобы совершенно слились эти оба элемента, надобно ограничить самое основаніе. Впрочемъ, только ограниченный духъ и можетъ переходить во внѣшность, съ которою соединяясь, образуетъ ненарушимое единство.

Въ классической формѣ, искусство тогда достигаетъ своего совершенства, когда представить полную гармонію идеи-идеальности духовной, — и формы-чувственной и тѣлесной вещественности. — Тогда исчезаетъ всякая вражда между двумя стихіями и уступаетъ мѣсто совершенной гармоніи.

*

3) Но когда идея изящнаго, какъ отрѣщенный духъ, обнимаетъ себя, тогда олицетвореніе въ формахъ вѣшняго міра, для нея не полно; только во внутреннемъ мірѣ сознанія, она, какъ духъ, находитъ свою реальность. И такъ, она сокрушаетъ это единство, составляющее основаніе классическаго искусства; это внутреннее единство идеи и ея проявленія оставляетъ міръ и удаляется въ себя; вотъ что составляетъ типъ *романтической формы*. Такъ какъ чувственное представленіе, съ своими образами изъ вѣшняго міра, не можетъ выразить свободную духовность, то форма становится несвойственною, чуждою для нихъ; такъ что романтическое искусство опять отдѣлитъ форму отъ основанія, совершенно вопреки символическому направленію.

Кратко, символическое искусство *ищетъ* совершеннаго единства идеи и вѣшной формы; классическое искусство *находитъ* его для смысла и воображенія, въ представленіи духовной недѣлимости; а искусство романтическое *идетъ за предѣлы* его, въ своей безграничной духовности, парящей надъ сферою видимаго міра.

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМА ИСКУССТВА.

—

ВВЕДЕНИЕ

Символь вообще.

Символь, въ нашемъ смыслѣ, составляетъ начало искусства, какъ по своей идеи, такъ и по времени своего явленія въ исторіи; слѣдовательно онъ ни больше, ни меньше какъ предшественникъ. Онъ весь принадлежитъ востоку, и чрезъ множество переходовъ, аналогій ведетъ насъ къ истинному овеществленію идеала, въ формѣ классической. И такъ, мы должны отличать символъ собственно, какъ типъ понятій и представленій искусства въ эту эпоху, отъ символа представляющаго внѣшнюю и подчиненную форму. Дѣйствительно, мы находимъ символы въ классическомъ и романтическомъ мірѣ; и на оборотъ; — символическое искусство можетъ иногда представлять наружность идеальнаго классическаго, или явить въ себѣ начало романтическаго искусства; но этотъ переходъ отъ одного рода къ другому, эта смѣсь, относится только къ подробностямъ, придаточнымъ, нѣкоторымъ отдѣльнымъ чертамъ, не составляя единственнаго характера произведенія искусства, разсматриваемаго въ его совокупности и цѣлости.

Символь, въ собственной и независимой формѣ, являетъ характеръ *высокаго*. Тогда то идея, еще неопредѣленная, неспособная къ свободному и мѣрному развитію, не можетъ найти въ вещественномъ мірѣ образа вѣрнаго ей

соотвѣтствія и пропорціи; она, не заключааясь въ вещественномъ, далеко переходитъ за его границы. Таковъ всеобщій характеръ высокаго.

Что касается внѣшней части вопроса, удовольствуемся общимъ объясненіемъ того, что должно разумѣть подъ именемъ символа.

Символь есть чувственный предметъ; но не потому, что непосредственно представляется намъ; а въ смыслъ обширномъ и болѣе общемъ; слѣдовательно, здѣсь надобно различать два термина: смыслъ и выраженіе. Первый-понятіе духа; второй-чувственное явленіе, образъ, говорящій чувствамъ.

И такъ, символъ есть *знакъ*, въ которомъ отношеніе, соединяющее знакъ съ выражаемою вещію, произвольно; чувственный предметъ и образъ, сами по себѣ, ничего не представляютъ; они изображаютъ только посторонній предметъ, съ которымъ не имѣютъ ни какой частной связи. На пр. въ языкахъ членораздѣльные звуки выражаютъ всякую идею, всякое чувство; но большая часть словъ, входящихъ въ составъ языка, связаны совершенно случайно; хотя бы можно исторически доказать, что, въ началѣ, было отношеніе между словами и идеями. Цвѣта служатъ другимъ примѣромъ; ихъ употребляютъ на кокардахъ и флагахъ, для означенія лицъ, націй, кораблей. — Цвѣта, сами по себѣ, не представляютъ никакого качества, общаго съ означаемымъ предметомъ, на пр. націей. Знакъ и означаемая вещь различны между собою. Но не такъ мы должны разумѣть символъ въ искусствѣ, которое состоитъ точно въ связи, сродствѣ, внутреннемъ проникновеніи идеи и формы.

Со всѣмъ иначе мы понимаемъ частный знакъ, составляющій символъ. На пр. левъ служитъ символомъ величія духа, лисица-хитрости, кругъ-вѣчности. — Левъ, лисица имѣютъ качества, которыхъ смыслъ должно объяс-

снить; кругъ, также, не представляетъ опредѣленнаго характера прямой линіи, соответствующей всякому ограниченному раздѣленію времени.

Такимъ образомъ, въ этихъ символахъ, внѣшній предметъ, уже въ себѣ самомъ заключаетъ смыслъ, для представленія котораго онъ употребленъ. Это не есть знакъ произвольный, безъ значенія; а между тѣмъ, на него не должно смотрѣть въ его дѣйствительномъ или недѣлимомъ бытіи; онъ только образъ, назначенный для пробужденія въ умъ общей идеи.

Хотя символъ, какъ простой знакъ, чуждъ выражаемой идеи; но чтобъ не измѣнить своего характера, онъ не долженъ вполне представлять идею; ибо, если два предмета, сливаются въ одно общее количество, то они будутъ различаться въ другомъ какомъ нибудь отношеніи. Предметъ, служащій символомъ, заключаетъ въ себѣ множество свойствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ идеей. — Идея, съ своей стороны, не всегда есть отвлеченное качество, на пр. сила, хитрость и пр. она можетъ быть составная, смѣшенная; потому и содержитъ другія качества, несходныя съ основаніемъ символа. Такъ, левъ, не только силенъ; лисица не хитра только; въ этомъ отношеніи идея и образъ ея не одинаковы; идею можно представить во множествѣ другихъ образовъ; образъ можетъ выражать различныя идеи. — По сему можно сказать, левъ есть лучшій символъ силы, которую можетъ впрочемъ выражать и волъ, и на оборотъ: волъ имѣетъ множество другихъ символическихъ свойствъ.

Слѣдовательно, символъ, по своей натурѣ, существенно *равнозначущъ* (*equivoque*).

Во первыхъ, глядя на символъ, можно еще спросить себя: точно ли онъ символъ? Если онъ дѣйствительно таковъ, то какое же его истинное значеніе изъ всѣхъ, какія онъ можетъ заключать? Часто, отношеніе между зна-

комъ и выражаемого вещію, можетъ быть слишкомъ далеко.

Во вторыхъ, часто у насъ предъ глазами какой нибудь предметъ, какой нибудь образъ, на пр. левъ, орелъ, цвѣтокъ; но онъ можетъ быть представляетъ только себя самаго. Значить ли онъ что нибудь другое? Означаетъ ли онъ отвлеченную идею, на пр. силу, или смѣшенную, на пр. героя, эпоху года? Быкъ есть ли символъ земледѣлія? Въ какомъ смыслѣ брать этотъ образъ, въ собственномъ или фигуральномъ? Въ послѣднемъ случаѣ слова: *схватить*, *понять*, *обнять*, *заклчить*, выражаютъ только дѣйствія мысли, не напоминая намъ дѣйствія хватанія рукою и пр. Въ образъ льва мы не только понимаемъ смыслъ его какъ символъ, мы видимъ животное, чувственный предметъ.

Эта двумысленность исчезаетъ только тогда, когда каждый изъ двухъ предѣловъ, идея и форма, ясно обозначены; когда отношеніе ихъ вполне выражено; тогда предметъ чувственный перестаетъ быть символомъ, въ собственномъ смыслѣ; это будетъ простой образъ; а отношеніе образа къ его значенію принимаетъ извѣстную форму *сравненія*. Въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи, уму нашему должны представляться только два предѣла — но раздѣльно; имено: съ одной стороны идея, съ другой образъ. Если разумъ по своей необразованности, не въ силахъ точно понять общую идею, то и отдѣленія не можетъ быть; оба предѣла останутся слитыми. — Вотъ что отличаетъ символъ отъ сравненія; но объ этомъ послѣ. На прим. Карлъ Моръ, при видѣ заходящаго солнца говоритъ: «такъ умираетъ герой!» Здѣсь значеніе точно отдѣлено отъ образа — и въ то же время образъ близокъ къ значенію. Но въ сравненіи, отношеніе не всегда выражается такъ ясно; тогда оно должно вытти изъ связи между разговаривающими членами или изъ ихъ положе-

нія и другихъ обстоятельствъ, и не оставлять никакого сомнѣнія о мысли, которую образъ не могъ выразить.

Когда Лютеръ говоритъ: «Богъ нашъ есть необоримая крѣпость; или въ въ другомъ мѣстѣ: юноша плыветъ по океану, предоставляя вѣтру тысячи развитыхъ парусовъ. Старикъ молча входитъ въ пристань, на утлой лодкѣ, спасенной отъ бурь.»

Безъ сомнѣнія, крѣпость не означаетъ божественнаго покровительства; океанъ и тысячи парусовъ не означаютъ всей будущности надеждъ и плановъ; ладья и пристань не означаютъ умѣренныхъ выгодъ съ безопаснымъ владѣніемъ.

Въ каждомъ символѣ двусмысленность увеличивается еще отъ того, что смыслъ его не долженъ выражаться, какъ въ сравненіи, ни объясняться придаточными обстоятельствами. Загадочность увеличивается еще и тѣмъ, что по причинѣ этой неопредѣленности, отношеніе между идеей и образомъ становится дѣломъ привычки и чѣмъ то, болѣе или менѣе условнымъ.

Привычка можетъ пояснить символъ; но только для живущихъ въ томъ же кругѣ идей и правовъ; для другихъ же онъ непонятенъ.

Сказанное нами о символѣ и его загадочномъ характерѣ прилагается не только къ отдѣльнымъ примѣрамъ, встрѣчающимся близъ насъ, но и ко всѣмъ чрезвычайнымъ твореніямъ, составляющимъ эпоху въ исторіи искусства, вполне обнимающимъ почти весь востокъ. Разсматривая міръ представленій и символическихъ образовъ древней Персіи, Индіи, Египта, мы находимъ его чрезвычайно страннымъ; чувствуемъ, что окружены загадками; образы не говорятъ съ нами—и это зрѣлище намъ не нравится, не удовлетворяетъ насъ, требуетъ, чтобы мы разрушили чувственный міръ, если хотимъ разгадать самый обширный и самый глубокий смыслъ.

Другія произведенія, съ перваго взгляда, не представляютъ ничего серьезнаго ; подобно дѣтскимъ повѣстямъ, они только игра воображенія , занятая случайными и частными предметами. Но эти народы, хотя въ дѣтствѣ, находили въ нихъ болѣе существенный и болѣе истинный смыслъ и основаніе идей, которыя дѣйствительно мы находимъ въ формахъ искусства Индѣйцевъ и Египтянъ, хотя объясненіе загадочныхъ фигуръ указано слабо, и хотя трудно разгадать ихъ. Въ такомъ недостаткѣ согласія идеи съ артистическимъ выраженіемъ, что останется на долю скудости и грубости понятій, отсутствія идеи, даже со стороны воображенія? Напротивъ, при безсиліи выразить глубину религіозныхъ идей чистѣйшими и прекраснѣйшими формами, должно ли призывать въ помощь фантазію представленія , не желающую оставаться ниже своего предмета? Вотъ на что отвѣчать весьма затруднительно.

Даже въ области классическаго искусства иногда встрѣчается таже неизвѣстность, хотя въ искусствѣ, классическое, существенно не сходно съ символическою формою, даже еслибы оно было совершенно ясно и прозрачно. Въ самомъ дѣлѣ, классическій идеалъ ясенъ, потому что выполнять прямое назначеніе искусства. Онъ содержитъ существенную идею, схваченную умомъ и заключенную въ форму имѣющую въ себѣ одну только эту идею; между тѣмъ какъ въ символъ или даже въ сравненіи, образъ, кромѣ идеи имъ выражаемой, всегда представляетъ другія постороннія идеи.

Впрочемъ и у классическаго искусства есть своя загадочная сторона. Въ мифологическихъ представленіяхъ древнихъ надобно еще спрашивать себя: останавливаться ли на внѣшней формѣ такъ, какъ она представляется намъ? удивляться ли баснямъ, какъ игрѣ щастливаго и обильнаго воображенія, или искать въ нихъ глубокаго

смысла? Размышленіе тѣмъ становится серьезнѣе, когда содержаніе этихъ басенъ слагается изъ дѣйствій и цѣлой жизни боговъ; въ такомъ случаѣ — исторіи недостойны идеи о Богѣ; они — нелѣпное изобрѣтеніе унижающее и религіозное чувство и вкусъ. Напр. читалъ о двѣнадцати подвигахъ Геркулеса, о томъ, какъ Юпитеръ, сбросилъ Вулкана съ Олимпа на островъ Лемносъ и переломилъ ему ногу, мы считаемъ этотъ рассказъ баснею. Также, безчисленныя, соблазнительныя похожденія Юпитера могутъ казаться совершенно отвлеченными вымыслами. Но, съ другой стороны, такъ какъ подобныя исторіи рассказываются о высшихъ божествахъ; то потому самому можно съ увѣренностію предполагать въ нихъ сокровенный смыслъ, болѣе обширный и болѣе глубокій, нежели какой непосредственно представляется намъ въ мифѣ.

Такой вопросъ возбуждаетъ два противоположныя мнѣнія. По одному, мифологія есть собраніе басенъ совершенно внѣшнихъ — недостойныхъ идеи о божествѣ, — въ религіозномъ смыслѣ. Конечно, въ нихъ много прелекательнаго, много прелести, очарованія, высшей красоты; но ихъ нельзя подвергнуть серьезному и глубокому истолкованію. Съ этой точки зрѣнія, мифологія должна быть объясняема исторически; лица, боги, образы, всѣ дѣйствія, всѣ событія объясняются сами собою. При томъ, боги созданы мѣстными обстоятельствами, породившими ихъ; произвольными понятіями жрецовъ, воображеніемъ артистовъ и поэтовъ, вліяніемъ иноземныхъ преданій. По другому мнѣнію, историческій взглядъ на тѣже логическія представленія и рассказы, недостаточенъ; въ нихъ предполагается болѣе общій и болѣе глубокій смыслъ; проникнуть подъ покровъ ихъ облекающій, угадать таинственный ихъ смыслъ, вотъ собственное требованіе мифологіи и философскаго ея изученія.

Мифологія должна являться намъ, высшимъ образомъ, символическою, т. е. мифы, какъ творенія человѣческаго духа, не смотря на свою смѣшную и грубую сторону, множество своихъ элементовъ, произвольность изобрѣтающаго воображенія, имѣютъ смыслъ для разума, имѣютъ всеобщія понятія о естествѣ Бога — однимъ словомъ, они *философемы*.

Такъ, Крейцеръ, вопреки общей методѣ, судившей поверхностно и прозаически о представленіяхъ древнихъ народовъ, или цѣнившей только ихъ артистическую сторону, предпринялъ вновь разсмотрѣть ихъ разумный смыслъ. Онъ принялъ въ руководство слѣдующую гипотезу: мифы и преданія имѣютъ свое начало въ человѣческомъ духѣ, который, не смотря на слабую сторону своихъ представленій о богѣ, неудержимо влечется къ понятіямъ религіознымъ, которыя разсудокъ облачаетъ въ формы, хотя съ недостаткомъ безсилія, представить эти идеи приличнымъ образомъ. Такая мысль справедлива. Дѣйствительно, источникъ религіи — въ духѣ, который видитъ истину, созерцаетъ ее и представляетъ въ формахъ болѣе или менѣе сродныхъ съ нею. Если разумъ находитъ эти формы въ исторіи, то въ немъ рождается потребность разяснить смыслъ ихъ. Такая наука истинно достойна человѣка; пренебрегающій ею собираетъ только массу внѣшнихъ фактовъ.

Теперь, если копаться глубже къ основанію мифовъ, чтобы открыть ихъ сокровенную истину, не теряя впрочемъ изъ виду ихъ случайнаго элемента, принадлежащаго воображенію и исторіи; то мы можемъ оправдать различныя мифологіи, оправдать человѣка въ образахъ и представленіяхъ, сотворенныхъ его духомъ. Это благородное предпріятіе гораздо выше собранія историческихъ частныхъ, болѣе или менѣе незначительныхъ.

Конечно, справедливо упрекали Крейцера за то, что онъ